

A. PIGANIOU, *Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange*, XVI-e supplément à «Callia», P., 1962, 434 стр., XLVII табл.

Рецензируемая работа представляет собой публикацию и одновременно историко-эпиграфическое исследование так называемых кадастровых надписей из Оранже. Эти надписи были открыты в 1949—1955 гг. при раскопках в Оранже, на месте которого в древности находилась римская колония Arausio (полное название которой было Colonia Julia Firma Secundanorum Arausio), основанная Октавианом для ветеранов II Галльского легиона. При раскопках было обнаружено «мраморное гнездо» (глубиной в 3 м и шириной в 1,5 м), содержащее множество фрагментов мраморных плит, откуда и само название. Эти фрагменты и представляют в большинстве своем кадастровые документы. Они состоят из: 1) монументальной надписи Веспасиана, исполненной на трех мраморных плитах, объясняющей причину обнаружения кадастра; 2) собственно кадастровых фрагментов, на которых указывалось местонахождение центурий, категории земель, в них входящих, имена арендовавших земли колонии или оккупировавших *ager publicus*; 3) документов архива (табулярия) колонии, относящихся к аренде или оккупации земель колонии, обозначенных в надписях терминами *merides*, *agri publici*, *ageae*.

Большая заслуга в подборе и классификации кадастровых фрагментов принадлежит Ж. Сотелю, директору 13 Округа исторических древностей, М. Роберту Ату, архитектору строительных работ Франции и директору Бюро античной архитектуры, а также Национальному исследовательскому центру, в ведении которого находятся и Бюро античной архитектуры и журнал «Галлия». В 1949 г. к исследованию этих кадастровых документов присоединился и А. Пиганоль, автор рецензируемой работы. Классификация надписей была делом сложным и трудоемким. На специально изготовленной большой доске с размеченной сеткой, которая должна была соответствовать центуриям кадастра, размещались фрагменты по мере их открытия. В процессе работы по классификации фрагментов обнаружилось, что кадастров было три, а не один. Они отличались друг от друга ориентировкой *decumanus maximus* (являвшейся, как известно, одной из главных линий для производства центуриации) и, следовательно, местонахождением самих центурий на территории колонии, а также временем составления кадастров. В публикации кадастры обозначены как А, В и С.

Эта большая работа (434 стр.) издана в виде приложения к журналу «Gallia»; публикации предшествовала статья Ж. Сотеля и А. Пиганьоля, посвященная этим

документам и опубликованная ранее¹. В настоящей публикации представлено 47 фрагментов кадастра А, 146 — кадастра В, 38 фрагментов кадастра С, 141 документ табулярия. Воспроизводятся также тексты (28 штук), найденные в «мраморном гнезде», но не относящиеся к кадастрам (стр. 18—19).

Кадастровые надписи представляют собой опись земель колонии: размеры и местонахождение различных категорий земель, входящих в ту или другую центурию. Автор публикации предлагает некоторые свои толкования, вытекающие из исследования кадастров, хотя воздерживается от решения множества возникающих вопросов: «Я не решал всех проблем, я хотел предоставить в руки специалистов документы после предварительной их обработки» (стр. 8).

Книга состоит из предисловия, общего введения, имеющего самостоятельное значение, и двух частей; одна посвящена публикации собственно кадастровых надписей (стр. 93—307), другая — описанию надписей архива колонии и надписей, принадлежность которых к одному из кадастров или табулярию еще не определена (стр. 325—396). Первый раздел каждой из книг дает внешнее описание кадастров: схема кадастра, масштабы его изображения в самой книге, архитектурная конструкция, локализация кадастра на местности, категории земель, в него входящих, их географическое размещение, форма написания букв. Во второй книге дается описание уже самих надписей кадастра, соотносенных по центуриям. Воспроизводится копия самого фрагмента с приведением комментария к его тексту: указание координат центурии относительно *decumanus maximus* и *kardo maximus*; восстановление сохранившегося на фрагменте текста, характеризующего условия эксплуатации земель колонии. Эта часть работы имеет целью восстановить текст кадастровых описей.

Во второй части дана публикация документов архива колонии. Она также имеет введение и состоит из четырех книг. Первые три рассматривают соответственные категории земель, сдаваемых колонией в аренду: *merides*, *agri publici*, *ageae*; об этих категориях будет сказано ниже. Четвертая содержит описание фрагментов тех архивных документов, назначение которых еще не определено и их место в кадастрах не установлено.

Большой интерес представляет введение ко всей работе (стр. 9—89). В нем приводятся сведения общего характера

¹ J. Sautel et A. Piganiol, *Les inscriptions cadastrales d'Orange*, «Gallia», XIII, ч. I, 1955, стр. 1—39.

о лимитации земель, о содержании таких терминов, как *subseciva* или *agri redditii* и др., о времени основания колонии в Оранже. Введение знакомит также с состоянием вопроса об исследовании кадастровых надписей из других областей римского мира. Дана также библиография соответствующих работ с краткими аннотациями на них. Таким образом, легко проследить за длительным периодом изучения кадастра, пополнением наших сведений о нем за счет новых находок, различными комментариями и заключениями исследователей. Дается также история археологических раскопок и находок, наиболее результативными из которых являются раскопки 1949—1955 гг., когда и были открыты «мраморное гнездо» и надпись Веспасиана, определившие содержание рецензируемой работы. Введение содержит некоторые выводы по истории составления и содержания кадастров Оранже. Работа завершается заключением, где даются сведения относительно различного ориентирования кадастров на самой местности, времени их возможного составления, времени их обнаружения; приведен также перечень имен, встречающихся в кадастре и в документах архива колонии. Книга содержит также таблицы, в которых воспроизводятся фрагменты кадастров и документов архива.

Исследование кадастров Оранже с привлечением других надписей из Галлии (в случае нахождения одинаковых личных имен, встреченных в кадастре и в некоторых надписях из провинции) дало возможность Пиганьолю в больших подробностях восстановить практику землеустройства в античном Оранже и по-новому ответить на вопросы, связанные с самой историей этой колонии. Так, автор считает, что в Оранже колония была основана не Цезарем в 46 г. до н. э.², а Октавианом в 35 г. до н. э. (стр. 32). Дело в том, что для определения этой даты до археологических открытий в Оранже исследователи имели одно только данное, а именно — имя основателя, заключенное в самом названии колонии — *Colonia Julia Firma Secundanorum*. Но имя *Julia* могло указывать и на Цезаря, и на Октавиана. Название II легиона — *Secundanorum* — ничего не добавляло, поскольку оно являлось неполным. Надпись Веспасиана называет легион уже как *Legio II Gallica*, для ветеранов которого и была основана эта колония. Рассматривая историю II Галльского легиона с привлечением многих источников (в их числе барельеф триумфальной арки в Оранже, запечатлевший морские победы II легиона во время войны Октавиана с Секстом

Помпеем), Пиганьолю приходит к выводу, что колония была здесь основана в 35 г. до н. э. Октавианом (стр. 82—84).

Интересен экскурс Пиганьоля в историю центуриации у римлян. Он считает, что ее начало восходит к 290 г. до н. э., когда происходило распределение на участки земель, отнятых у сабинян; центуриация проводилась исключительно на *ager publicus*. При Гракхах, например, вся государственная земля подверглась центуриации. Позднее центуриация проводилась также в римских колониях, поскольку их земли из *ager vestigalis* превращались путем конфискации у побежденных общин в *ager publicus*. Примером такой центуриации и является колония Оранже. Ее территория, как это видно из кадастров, была изъята из земель, подлежащих обложению налогом: *ex tributario solo* стоит на фрагментах кадастровых надписей.

Все три кадастра — А, В и С — были составлены в разное время, и отмеченные в них центурии располагались на местности различно в зависимости от того, как были ориентированы две главные линии — *decumanus maximus* и *kardo maximus*, необходимые для производства самого акта центуриации. Согласно агрименсорам, *decumanus maximus* должна была направляться в сторону заходящего солнца. Так в Оранже были составлены кадастры В и С. Кадастр А составлен по другому типу, когда линия *decumanus maximus* направлялась на восток. В кадастре Оранже порядок нумерации центурий шел не по лимитам, проводившимся параллельно *decumanus* и *kardo* на расстоянии 2400 шагов, но по самим центуриям, располагавшимся параллельно двум перпендикулярным осям. Обычной формой центурии был квадрат со сторонами 709,6 кв. м, что составляло площадь в 200 югеров (или 50,512 га) в кадастрах В и С. Но в кадастре А центурии представляли прямоугольники, содержавшие 400 югеров. В кадастрах Оранже ширина лимитов — границ центурий и одновременно проезжих полевых дорог — не входила, по мнению Пиганьоля, в площадь центурий, но прибавлялась к ней (стр. 46). Площадь же воды (рек, прудов, озер и т. п.) вычитается в кадастрах А и С и входит в площадь центурий в кадастре В.

Центурии не были однородны ни по качеству земли, ни по их фактическому использованию. Многие из них подразделялись на несколько участков, представлявших собой различные категории земель. Эти категории в кадастрах обозначены следующим образом: 1) *Ex tributario (solo)* — земля, не подлежащая обложению земельным налогом и адсигнированная колонистами. Эта категория свидетельствует, что местные жители, за счет земель которых была основана колония, обязаны были платить налог за пользова-

² См., например, Н. П. Г р а ц и а н с к и й, Система полей у римлян по трактатам землемеров, ВДИ, 1940, № 1, стр. 57.

ние земель. Ветераны были освобождены от поземельного налога. Следовательно, земли, предоставленные колонии, были свободны от взимания трибута, как земли италийских общин. Само слово *veterani* в кадастровых надписях не встречается. Только один из фрагментов самого раннего кадастра А говорит о *militibus* (стр. 128—129, fr. 47). 2) *Tricastinis reddit(i) agri culti inculti*, или *reddita (iugera)* — земли, обработанные или необработанные, возвращенные трикастинам, прежним владельцам этих областей. Их точное местонахождение не установлено, хотя совершенно очевидно, что колония Оранж, по крайней мере частично, была основана на их землях. 3) *Reliqua coloniae* — земля внутри центурии, площадь которой равна разнице между всей ее площадью и площадью земли, адсигнированной или возвращенной трикастинам. Эти земли по примеру других кадастров часто использовались под пастбища. Но кадастры Оранжа не содержат указаний на *ager compascuus*. Колония сдавала эти земли главным образом в аренду, получая с них доход — *vectigal*. Если это были земли необработанные, то обычной являлась сдача в вечную аренду (*in perpetuum*). Такая аренда продолжалась до тех пор, пока съемщик или его наследник платил *vectigal* (Hugin., *Grom. Vet.*, 132, 1). Именно эти земли с наследственным правом аренды заслуживают, по мнению Пиганьоля, названия *ager avitus et patritus*, а понятие *ius perpetuum* не является, таким образом, созданием Поздней Римской империи, как обычно принято думать. Один из его источников должен быть найден в режиме *agri vectigales* городской общины (стр. 58). 4) *R(ei) p(ublicae)* встречается только в кадастре А. Термин этот мог обозначать или общественную землю, находящуюся в собственности всех колонистов, или землю всего римского народа. Пиганьоль трактует его как обозначение земель римского государства, поскольку земли колонии названы в кадастрах *reliqua coloniae* (стр. 60). Земли из фонда *Rei publicae* не были ни адсигнированы частным лицам, ни оставлены за колонией. До основания колонии они составляли безусловно часть территории туземного населения. Постепенно эта категория земель в Оранже исчезла. В кадастрах В и С она не встречается. Это могло произойти, по мнению автора, вследствие узурпации этих земель отдельными лицами или самими императорами или при основании колонии *Ffavia Tricastinorum*, которой они пошли под наделы в кадастре В. 5) *Subseciva* — отрезки, образуемые после распределения земли внутри самой центурии, или земли, находившиеся между центуриями и всей площадью колонии. Отрезки составляли часть земель римского народа, но со временем они захва-

тывались отдельными лицами или самой колонией. Обычно они образовывали *compascua*, за пользование которыми платили очень небольшой налог. Иногда они смешивались с *agri vectigales* и являлись объектом сдачи в аренду.

Кадастровая опись из Оранжа имела в виду прежде всего эти три последние категории земель, приносявшие доход колонии. Политика Веспасиана относительно *ager publicus*, когда он распорядился вернуть отрезки земли, находившиеся у частных лиц, как считают, имела две тенденции: попытку реставрировать право римского государства в лице императора на общественные земли или, наоборот, утвердить на них права муниципиев. Кадастр из Оранжа, по мнению Пиганьоля, свидетельствует о второй тенденции. В кадастрах Оранжа редкими являлись центурии, внутри которых все участки были одной категории.

Не все перечисленные категории земель были общими для всех трех кадастров. Только кадастр А имел земли *r(ei) p(ublicae)*. Кадастр В единственный, где названы земли *Tricastinis reddit(i)*. Общими для всех трех кадастров являлись земли, адсигнированные, назначенные — *ex tributario solo*, и земли, оставленные колонии — *reliqua coloniae*. В кадастре А аренда земли приравнена к продаже: *emit, v(endida)*; съемщиками часто были женщины: *Roscia*; *M(arc)ia Primula*; *Caenica*; *Cupi(tia)*; *Atilia Vera* (стр. 97).

Цель кадастра А, как это следует из надписи Веспасиана, состояла в том, чтобы вернуть колонии земли, некогда узурпированные частными лицами, и отныне предупредить эти злоупотребления: *[im]p(erator) Cae[lsar] Ve[spasianus] A[ugustus]... [ad rest(ituenda)] p[ub]lica qu[ae] divus Augustus (?) militibus l[eg]ionis II Gallicae dederat p[ossessa] a p[ri]vatis p[er] aliquod annos [formam] p[ro]p[ri]oni[i]ussit...* (стр. 81). Именно поэтому почти для каждой центурии кадастра была обозначена площадь земель, оставшихся в пределах этой центурии за колонией и сданных в аренду, и доход, который она получала с этих земель. Эти данные являются общими для всех трех кадастров. В самом кадастре это обозначено так. Сначала указаны координаты центурий по *decumanus maximus* и *kardo maximus*. Затем в неизменном порядке следуют: площадь адсигнированных земель (в югерах), площадь земель колонии с обозначением условий аренды и имени арендатора. Например (стр. 303—304, рнс. 356).

DD IV [VK XXII]
ext(ributario) LXXX..., [col(oniae)]
XXIIIS = [pr(aestant)
a(era) IIII (denar)..., [sol(vunt)]
hered(es) [Firmi]
Secu[ndi]

Местоположение этой центурии в поле было *Dextra decumanum IV, ultra kardi-*

пет XXII. В этой центурии было адсигнировано по крайней мере 80 югеров. Земли, оставшиеся за колонией, составляют $23 \frac{5}{6}$ югера; они сдавались в аренду по 4 асса за югер; арендаторами земли являлись некие наследники Фирма Секунда.

Упоминание в кадастре А земли R(ei) p(ublicae) свидетельствует о попытке Веспасиана одновременно определить размер государственных земель. Дата выставления кадастра А (forma или tabula) с определенностью выводится из титулатуры Веспасиана (tribunicia potestate VIII imp. XVIII, pp. cos. VIII censor...) как 77 г., между 1 января и 30 июня.

Поскольку адсигнированные земли внутри каждой центурии определяются в кадастре в югерах в совокупности, неясным остается размер участков колонистов. Между тем известно, что размеры адсигнированных участков в разное время и в разных местах сильно варьировались. Пиганьоль приводит некоторые примеры (стр. 56—57): закон 141 г. до н. э. предусматривал максимум в 30 югеров для адсигнаций на ager publicus. Сатурнии предложил наделить ветеранов Мария по 100 югеров, но вне Италии. После смерти Цезаря триумвиры дали по 50 югеров ветеранам. Наблюдая, что цифры, означающие количество югеров адсигнированной земли в центуриях исследуемых кадастров, почти все делятся на число, близкое к 30, Пиганьоль приходит к выводу, что средние размеры первоначальных участков колонистов в Оранже, очевидно, равнялись $33,5$ югера или $66 \frac{2}{3}$ югера, что соответствовало определению нормального участка у Gromatici veteres (Huglin., 201).

Арендная плата с земель колонии (religiosa coloniae) в Оранже взималась исключительно в деньгах (стр. 58). После обозначения площади (в югерах), оставленной за колонией, идут условия сдачи по формуле: pr(aestant a(era)... Затем указана общая сумма дохода. Она получается от умножения цифры югеров на цифру ассов тарифа — арендная плата за один югер — и последующего деления общего числа на 16, чтобы получить число денариев. Эти данные свидетельствуют о большом развитии товарно-денежных отношений в I—II вв. в галльских городах, о наличии свободных городских земель, что при практике долгосрочной аренды создавало предпосылки для концентрации земельной собственности в руках частных лиц и развития на этой основе крупных земельных владений с последующим их выходом за рамки муниципии, т. е. превращением их в экзимирированные владения. Наблюдения Пиганьоля за кадастровыми текстами Оранжа подтверждают это суждение. Опубликованные им кадастровые надписи отмечают случаи, когда колония сдавала в аренду целые центурии одному

и тому же лицу; иногда одни и те же имена арендаторов повторяются в разных, чаще соседних центуриях. Так, например, имя Юлия Флора встречается в кадастре В в четырех соседних центуриях (стр. 405).

Анализ данных кадастра, касающихся земель Tricastinis redditī, а также ряда других источников позволил Пиганьолю сделать ряд интересных выводов относительно положения трикастинов. Точная локализация мест поселения этого племени пока что не определена. Предполагается, что они составляли часть племенного объединения каваров, занимавшего, по свидетельству Страбона и Плиния, всю область между Авиньоном и Валенсией. Пиганьолю удалось установить, что часть земель, отнятых у трикастинов при основании колонии Оранж, была возвращена им не при Августе, т. е. не в момент центурации, а только при Флавиях. Это положение он убедительно аргументирует двумя следующими обстоятельствами: во-первых, община трикастинов эволюционирует из Augusta Tricastinorum (Plin. NH, III, 36) в Colonia Flavia Tricastinorum, как об этом свидетельствует открытая в 1961 г. надпись (см. стр. 31). От Августа община трикастинов получила латинское право, от Флавиев — римское гражданство. Во-вторых, в кадастре В появились земли Tricastinis redditī и, наоборот, исчезли земли R(ei) p(ublicae), имевшиеся в кадастре А. Следовательно, трикастинам была возвращена часть их прежних земель в связи с преобразованием их общины в колонию. И это возвращение было осуществлено за счет земель R(ei) p(ublicae) кадастра А. Этими же обстоятельствами Пиганьоль объясняет факт появления нового кадастра, кадастра В, составление которого он относит предположительно ко времени Антонинов. Другие побудительные мотивы составления нового кадастра Пиганьоль выводит из топографических данных местности, которым соответствовали и кадастры Оранжа. Дело в том, что овцеводство, виноградарство и оливководство были главным богатством страны. Хлеб произрастал только в плодородных землях вдоль Роны. Эта относительная бедность природных условий определяла некоторую неустойчивость населения (стр. 27). Именно по этой причине при составлении кадастра В границы его центурий были несколько смещены. Земли колонии Arausio и новой колонии Flavia Tricastinorum остались перемешанными в новом кадастре, т. е. земли, возвращенные трикастинам и составлявшие теперь территорию новой колонии, продолжали располагаться внутри центурий колонии Оранж.

Пиганьоль подчеркивает значение кадастров Оранжа для решения спорного в историографии вопроса о положении мест-

ного населения, трикастинов, в связи с основанием колонии и с большой социальной остротой утверждает, что данные кадастров свидетельствуют о самом жестком режиме, установленном для туземцев: у трикастинов имела место обычная конфискация. Их страна рассматривалась как пустое поле, а сами они были изгнаны в самые бедные области. Часть адсигнированных земель была возвращена им, но это были, как свидетельствует наименование этих земель в кадастре, почти исключительно плохие, необработанные участки. Хотя статус общины трикастинов — *Augusta Tricastinorum* — свидетельствует о том, что община получила латинское право, но это означало лишь то, что самые знатные и богатые из племени избежали участи остальных побежденных. В результате и в правление Веспасиана продолжали существовать острые противоречия между потомками ветеранов и потомками туземцев, лишенных владений. И эти противоречия давали себя знать с такой же силой, как и на следующий день после основания колонии (стр. 54—55).

Относительно локализации кадастров Оранжа Пиганьоль приходит к выводу, что все три кадастра имели разную ориентацию и не совпадали в своих основных линиях. Наиболее точно определяется место расположения кадастра В благодаря изобилию и конкретности картографических данных этого кадастра и четкости аэрофотосъемок. *Descimanus maximus* кадастров А и В частично совпадают, но *kardo maximus* этих кадастров не совпадают. Еще сложнее определяется локализация кадастра С. Время составления этих кадастров также было различным для всех трех. Самым ранним является кадастр А, который воспроизводил схему кадастра Августа, но был составлен в правление Веспасиана, в 77 г. К этому же времени Пиганьоль склонен отнести и документы табулярия, касающиеся *ageae*. Ко времени более позднему, чем кадастр А, относится составление документов относительно *merides*. В определении времени кадастра А Пиганьоль исходит из того, что категория земель *R(ei) p(ublicae)* встречается только в этом кадастре. Учитывая общую тенденцию аграрной политики Веспасиана, стремившегося при всяком удобном случае увеличить императорские владения, автор допускает, что под маркой восстановления земель колонии Веспасиан стремился восстановить государственные земли, некогда узурпированные. Кадастр В Пиганьоль относит предположительно ко времени Траяна. К значительно более позднему времени он относит кадастр С. Интересно наблюдение автора за эволюцией форм землевладения, отраженной в кадастровых надписях. Если в кадастре В исчезли земли *R(ei) p(ublicae)*, то в кадастре С

появляются земли, свободные от налогов — *immunes, fundi, vici*, явно свидетельствующие о разложении муниципального землевладения (стр. 403).

Результатом исследования вопроса о локализации и хронологии кадастров явилось то, что настоящая публикация содержит весьма существенные изменения в обозначении кадастров по сравнению с обозначениями в вышеупомянутой предварительной статье Ж. Сотеля и А. Пиганьоля. Именно кадастр В стал кадастром А и наоборот. А так называемый кадастр островов³ включен теперь в кадастр С.

Во второй части рецензируемой работы, как я уже отмечала, речь идет о документах табулярия, которые имеют в виду такие земли, как *merides, agri publicae, ageae*. Написание документов табулярия значительно тщательнее, чем документов кадастров. Это письмо монументальное, в то время как письмо кадастровых надписей близко иногда к курсивному.

По примеру Рима все муниципии имели свои *tabularia publica*. Такие учреждения засвидетельствованы в Галлии в Везоне (CIL, XII, 1283), Вьенне (Ann. Ep., 1952, 73), Аквах Секстиевых (CIL, XII, 525). Археологические открытия 1949—1955 гг. обнаружили табулярий и в Оранже. Тексты, выгравированные на камне, точно воспроизводили архивные документы табулярия с их делением на колонки, с красными строчками, с пометками на полях. В конце первой линии каждого такого документа на полях заносилась сумма, которую съемщик обязан был уплатить в определенный срок.

На большом числе надписей табулярия Оранжа фигурирует обозначение *ad k* или просто *k*. Например, *in iug(era)si|n g(ula) [k(alendarium)]* (стр. 339, Т 2); *efficit ad k...* (стр. 356, Т 22). Существуют различные объяснения этого обозначения. М. Аранджо-Руиз⁴, например, читал его как *ad k(ardinem)*. Г. А. Сандерс, а затем Ф. Шульц на основании документов о рождении, сохранившихся среди египетских папирусов и также именных обозначение *ad k*, объяснили *ad k* как *ad k(alendarium)*⁵. Пиганьоль считает, что это обозначение в текстах Оранжа также

³ Этим именем Сотель и Пиганьоль обозначили первоначально сумму фрагментов, в которых встречаются слова *insulae Furianae*, а географические контуры изображают сложный ансамбль слияний, излучин, каналов и т. п., от которых остались только следы («Gallia», XIII, ч. I, стр. 33).

⁴ V. A r a n g i o - R u i z, Sull' iscrizione superficaria di Arausio, Epigraphica, III, 1941, стр. 98.

⁵ F. S c h u l z, Roman Registers of Births and Births Certificates, IRS, XXXIII, 1943, стр. 56.

имело тот же смысл. Разница состояла только в том, что в документах из Оранжа речь идет о календарии как финансовом учреждении колонии, а не об учреждении по регистрации актов гражданского состояния, что имелось в виду на примерах из Египта (стр. 325—326). Назначение календария как финансового учреждения состояло в том, что он следил за сроками поступления долга, процентов в соответствии с предписанием Дигест: суммы, взятые в долг, должны быть возвращены в календы (Dig., XII, 1, 40). *Kalendarium publicum* определен кодексом Феодосия как *ratiocinium eorum quae rei publicae seu civitati debentur* (Cod. Th., XII, 1). Текст кодекса различает должников *ex kalendario* и *ex vestigali-bus*. Календарий имел большое значение при производстве процентов от доходов колонии: в календарии в списке дебиторов были указаны только те, которые были связаны долгами по календарии, т. е. в календарии заносились не обычные плательщики налогов (*vestigales*), а уже с возложенными на них процентами по случаю отсрочки платежа. Этим обстоятельством Пиганьоль не без основания объясняет рост налогов в эпоху империи и периодическую ликвидацию правительством долговых документов.

Тексты из Оранжа свидетельствуют также о практике сдачи в аренду городских участков — *merides* — и подтверждают зафиксированный в *lex Malacitana*, LXIII обычай выставлять на форуме таблицы с указанием всех данных об аренде этих земель. Документы из Оранжа дают также аналогии к тексту большой надписи, открытой в Оранже в 1904 г., и к тексту Велейской таблицы, которые говорят о сдаче в аренду участков, называемых греческим словом (*μερίς*)⁶. В документах табулярия речь идет о сдаче *merides* в вечную аренду — *locatio in perpetuum*. Неясным и спорным является сам предмет сдачи в аренду, а также характер арендной платы. Пиганьоль согласен с теми, которые под *merides* понимают общественные земли муниципии, в самом городе, а не на его сельской территории (стр. 330), и считает поэтому, что речь может идти только о муниципальном налоге, а не государственном. Исходя из того, что величина *merides* определяется в надписях не площадью, а только длиной участка, например, *m[er]is I in fronte p[er]edes...* (*denarios*)... (стр. 331, М 1) и что рента очень высока — денарий за фут, в то время как обычной арендной платой за полевые участки в Оранже было всего

4 асса за югер, Пиганьоль приходит к заключению, что речь идет о земельных участках для устройства торговой лавки или стоянки. Покупатели таких участков приобретали не собственность (*dominium*), но только право (*ius*) на эксплуатацию городского участка. Пиганьоль ссылается при этом на Дигесты (XVIII, 1, 32): *qui tabernas argentarias vel ceteras quae in solo publico sunt vendit, non solum sed ius vendit*. Эта покупка участка для устройства лавки в действительности являлась арендой этого участка у городской общины — *locatio*. Пиганьоль показывает, что эта практика была обычной в Греции и продолжалась в Поздней империи (стр. 330).

Исключительный интерес представляет открытие в надписях табулярия термина *telonium*, датированного Пиганьоном предположительно эпохой Флавиев и означающего бюро откупщиков налогов (стр. 371, Т 56). До сих пор полагали, что этот термин не употреблялся до времени Поздней империи.

Под *agri publici* в документах табулярия подразумеваются внегородские земли колонии — *extra urbanis*. Они исчисляются в югерах и некогда были самовольно (*inlicite*) захвачены частными лицами. В документах указан полагающийся с них налог за право эксплуатации (*vestigal*) соответственно числу узурпированных югеров. Условия налога указаны в календарии: *[in iug(era) s]in[g(ula)] k(alendarium)* (стр. 338, Т 1) и обозначены в надписях после указания имени съемщика и суммы, которую он должен. Например,

.....[denar] XXXII
[in iug(era) sing(ula) [k(alendarium)]
(стр. 339, Т 3); или ...[Secu]ndus
iu[g(era) denar.....]
[in iug(era)] sing(ula) [k(alendarium)]
(стр. 341, Т 6)
[Pa]ullus iug(era) [denar.....]
[in iug(era) sing(ula) [k(alendarium)]

В первом документе не сохранилось имя съемщика, но имеется цифра — 32 денария, сумма, которую он должен уплатить за оккупированную им землю. Во втором сохранилась часть имени съемщика — Секундина, но не сохранилась цифра денариев; в третьем есть имя — Пауля, но отсутствует сумма взноса.

Часть документов табулярия касается *ageae*. *Ageae* определяются античными авторами как участки земли в городе, которые не подвергаются обработке и используются не как пахотные земли, но как строительные площадки для домов (Hor., ep., 1, 10, 13), храмов (Vitruv., I, 7), могил (CIL, XIV, 404, 1757, 2949); в эту же категорию земель входят площади, оказавшиеся лишними при застройке⁷. В узком смысле слова этот термин упот-

⁶ Текст этой надписи опубликован Apnée Epigraphique, 1905, № 12; E. Espré-га n d i e u, Inscriptions de la Gaule romaine, P., 1929, № 186. В публикации А. Пиганьоля эта надпись читается под № М 1. стр. 331—334.

⁷ RE, т. II, s. v. area, Stuttg., 1895.

ребляется для площадей, которые окружали храмы (стр. 343). В кадастрах Оранжа *ageae* означают земельные площади, занятые городской стеной с ее башнями, Капитолием, храмами Изиды, храмом божественного Клавдия, *Iuven-tutis*, цирком или гимнасием и т. п. Площадь *ageae* измеряется в Оранже, как и обычно, в квадратных футах, а термином, обозначающим сумму, уплачиваемую занявшим ее, является *solarium* (стр. 344). *Solarium*, таким образом, был своего рода *vectigal*. Синонимичность в некоторых случаях этих обоих терминов подтверждается Дигестами (Ulp., XLII, 8, 2, 17): *vectigal enim hoc sic appellatur solarium ex eo quod pro solo pendatur*. В надписях из Оранжа речь идет о самовольной оккупации (*inlicite*) частными лицами *ageae* и о возложении на последних налога за пользование занятыми таким способом участками. Все эти площади отличаются весьма небольшими размерами и сравнительно высокой платой за них. Процент за отсрочку платежа налога равен шести и выражен формулой: *usurae semisses* или сокращенно *Ḳ.S* (стр. 345). Структура этих текстов такова: на первой строчке слева, на полях, писалось имя плательщика, затем число узурпированных им футов (*ageae p...*), тариф (*in p. I a...*), общая сумма платежа в денариях и, наконец, формула *usura annua Ḳ.S K*; например (стр. 370, T 55).

1):US a[reae p(edes)]
[u]sur(a) a[nnua Ḳ.S
...[a]reae p(edes) DCX
[usur(a)]annua Ḳ.S
5) [hi]llario arcae[p.(edes)]...
...ann[ua Ḳ.S]

[denar]...]
[k(alendarium)]
[denar]...]
[k(alendarium)]
[(denar)...]
[k(alendarium)]

Сравнивая документы табулярия Оранжа с аналогичными документами из Египта, Пиганьоль отмечает исключительную тщательность учета земельных фондов в Оранже и приходит к выводу, что в Оранже относительно порядка эксплуатации городских земель действовал тот же режим, что и в Египте.

Интересны наблюдения автора по некоторым частным вопросам, например: тщательное исследование эпиграфических данных из Оранжа привели Пиганьоля к подтверждению предположения Л. А. Констанса⁸ и М. Е. Руже⁹ о том, что под *utriclarii* следует понимать именно

перевозчиков, а не торговцев вином, как предполагалось раньше (стр. 110). Обращают на себя внимание некоторые изыскания автора в области ономастики: имя Валерия Басса из надписи Веспасиана выводится им из имени проконсула Нарбоннской Галлии 83 г. до н. э. — *S. Valerius Flaccus*. Имя дуумвира Оранжа *Curtius Rufus* Пиганьоль прослеживает по надписям и другим источникам с легендарных времен Ромула до правления Флавиев. В конце книги собраны и классифицированы все собственные имена, встречающиеся в кадастровых надписях Оранжа (стр. 405—413).

Пиганьоль приводит также интересную надпись из Оранжа, найденную в 1922 г., но нигде еще не опубликованную, относящуюся к этой колонии (стр. 27—28). Надпись свидетельствует о нахождении на территории Оранжа дома Домитиана: *Araus(iensium) fundum Domi(tianum)*. Этот факт важен и потому, что в Галлии были довольно редки императорские дома, и потому, что он ставит вопрос о сосуществовании и соотношении муниципального и императорского землевладения в рамках античного провинциального города.

Пиганьоль отмечает интересный для истории Оранжа факт, что ниже римского слоя прослеживаются следы эллинистического города без крепостных стен (стр. 34).

В целом рецензируемая книга имеет исключительное значение для изучения аграрных отношений римского города. Многие вопросы решены автором предположительно, другие не решены или только намечены. Но те обобщения и наблюдения, которые сделаны А. Пиганьолем, весьма интересны. Глубокий и серьезный анализ кадастров Оранжа и документов архива колонии, проведенный Пиганьолем, дал в руки исследователей великолепный материал источников. Эта публикация является большим вкладом в науку как важнейший источник непреходящего значения для дальнейших исследований практики римского землевладения в провинциях.

Н. Н. Белова

⁸ L. A. Constans, Arles antique, P., 1921, стр. 193.

⁹ M. E. Ruge, Utriclarii, cahiers d'histoire, IV, Lyon, 1959, стр. 285.

ДВЕ НОВЫЕ КНИГИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИТАЛИИ IV—VI вв. н. э.

В научной литературе традиционным является представление о глубоком экономическом упадке, охватившем если не все провинции Римской империи, то во всяком случае старые центры рабовладельческой эксплуатации (в том числе Италию) и достигающем максимальной силы к IV в. Против этого традиционного взгляда сравнительно недавно выступил итальянский историк Ф. де Робертис, по мнению которого, Италия с IV в. вступает в полосу экономического подъема¹.

Обе рецензируемые работы — одна из них принадлежит датчанину Кнуду Ханнестаду², другая — итальянке Леллии Руджини³ — отталкиваются от трудов де Робертиса; подвергнув критике его выводы и исследовательские методы (см. Ханнестада, стр. 5; Руджини, стр. 22, прим. 26), оба автора ограничивают полученные им результаты во времени и в пространстве, хотя (оговорю это с самого начала) они уже не возвращаются к старой точке зрения.

Работа Ханнестада критическая по своему своему построению. Ему свойственен скорее негативный, нежели позитивный анализ источников. Его цель (во всяком случае, в первой половине книги) — показать, что привлеченные де Робертисом данные недостаточны для аргументации тезиса о подъеме итальянского сельского хозяйства в IV в. Он оспаривает, в частности, возможность привлечения «*Expositio totius mundi*» для характеристики экономических отношений в западных провинциях в середине IV в.: автор «*Expositio*», по мнению Ханнестада (стр. 12), плохо знал Запад, а его сочинение было переведено на латынь с греческого только в V в. или еще позднее.

¹ F. M. De Robertis, La produzione agricola in Italia dalla crisi del III secolo all'età carolingia, «Annali della Fac. di Econ. e Commercio dell'Univers. di Bari», 8, 1948; он же, La crisi del III secolo e l'avvio alla ripresa agricola in Italia, «Studi di storia medievale e moderna in onore E. Rota», Roma, 1958.

² K. Hannestad, L'évolution de ressources agricoles de l'Italie du 4-ème au 6-ème siècle de notre ère, København, 1962, 117 стр.; ср. он же, The Italian Agriculture during the Ostrogothic Period, «Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines», II, Beograd, 1964, стр. 155—158.

³ L. Ruggini, Economia e società nell'«Italia Annonaria». Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. C., Milano, 1961, 716 стр.

Источники конца IV в. упоминают *agri deserti* (в Кампании насчитывалось до полумиллиона югеров запущенных полей) и беглых рабов. Снабжение Рима (да и не только Рима) хлебом осуществлялось за счет африканских поставок: неурожай или мятеж в Африке приводил к голоду в Риме и Кампании. Аграрные затруднения давали себя знать в Италии по крайней мере до 20-х или 30-х годов V в.

Совершенно иным становится положение под властью готов — в первой половине VI в. В это время Италия не только обеспечивала себя сельскохозяйственной продукцией, но и, по-видимому, вывозила какую-то часть урожая (стр. 34 и сл., стр. 42). Ханнестада ставит вопрос о причинах этих перемен. Можно было бы подумать, что прогресс связан с совершенствованием техники, но в действительности это не так: применение колесного плуга, распространившегося в Северной Италии около 400 г., оставалось sporadическим; новый тип упряжи еще не проник в Италию и здесь продолжали пахать на волах; нет оснований говорить о распространении водяных мельниц — да оно и не могло бы сказаться, по мнению Ханнестада, на увеличении урожайности (стр. 53 и сл.).

Демографический фактор (уменьшение населения) мог бы привести к тому, что Италия смогла бы удовлетворить свою (уменьшившуюся) потребность в хлебе, — но Ханнестада показывает, сколь недостаточны имеющиеся в нашем распоряжении цифры для утверждения, будто в конце V—VI в. население страны уменьшилось; он даже допускает, что оно возросло (стр. 68 и сл.). Нет также данных об упадке городов — скорее, наоборот, кажется, что города в VI в. играли большую роль, нежели прежде (стр. 88 и сл.).

Где же в таком случае следует искать разгадку подъема сельского хозяйства Италии? Ханнестада считает, что объяснением может служить политический фактор: завоевание Африки вандалами и прекращение африканских поставок хлеба стимулировали развитие сельского хозяйства Италии и позволили этой стране в VI в. достигнуть аграрной автаркии (стр. 106 и сл.).

Книга Руджини значительно отличается от работы Ханнестада и своими выводами, и своими методами. У Ханнестада на первом месте критический анализ историографии, выявление противоречий между скудным материалом источников и далеко идущими логическими заключениями. Для Руджини самое главное — накопление фактов, исследование терминологии, статистическая обработка не-